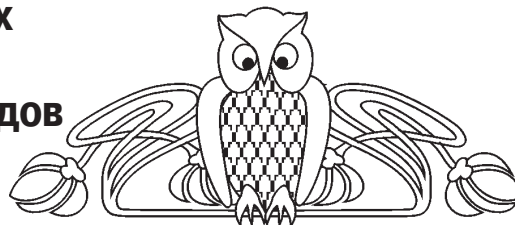

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 51–57
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 51–57

Научная статья
УДК 821.161.1.09+811.133.1'1255.2+929Пушкин
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-51-57>

О передаче формально выделенных фрагментов в переводе (на материале французских переводов «Евгения Онегина»)

А. П. Богинская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, Ленинские Горы, ГСП-1

Богинская Анастасия Петровна, преподаватель кафедры французского языкознания, nastrix@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5082-7485>

Аннотация. На материале корпуса французских переводов «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (16 переводов) рассматриваются способы передачи формально выделенных фрагментов стихотворного текста в переводе. Изоморфизм передачи выделенных фрагментов зависит от выбранной переводчиком поэтической формы в целом.

Ключевые слова: «Евгений Онегин», корпусная лингвистика, множественные переводы, Пушкин, французский язык, перевод, переводоведение

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-012-00620).

Для цитирования: Богинская А. П. О передаче формально выделенных фрагментов в переводе (на материале французских переводов «Евгения Онегина») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 51–57. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-51-57>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-51-57>

On rendering formally selected fragments in translation (On the material of French translations of A. S. Pushkin's novel Eugene Onegin)

Anastasia P. Boginskaya, nastrix@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5082-7485>

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Abstract. This article considers methods of rendering formally selected fragments of a poetic text in translation; the research is based on the material of 16 French translations of A. S. Pushkin's *Eugene Onegin*. The isomorphism of formally selected fragments depends on the poetic form as a whole chosen by the translator.

Keywords: Eugene Onegin, corpus linguistics, multiple translations, Pushkin, French language, translation, translation studies

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-012-00620).

For citation: Boginskaya A. P. On rendering formally selected fragments in translation (On the material of French translations of A. S. Pushkin's novel *Eugene Onegin*). *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 51–57 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-51-57>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Традиция многократных переводов иноязычных классических произведений давно стала неотъемлемой частью многих культур. Явление множественных переводов (*re-traduction*у Бермана) одного художественного текста неизменно попадает в центр внимания исследователей. Ю. Д. Левин определяет переводную мно-

жественность как «возможность существования в данной национальной литературе нескольких переводов одного и того же иноязычного литературного произведения, которое в оригинале имеет, как правило, одно текстовое воплощение»¹. Специалисты в области перевода предлагают и другие определения, в целом синони-

мичные; А. Попович применяет также понятие «повторяемости» перевода². Проблематика множественных переводов сохраняет актуальность и по сей день. Ей посвящены работы как зарубежных, так и российских современных исследователей (см., например, работы I. Oséki-Dépré³, A. Verman⁴, Е. Э. Разлоговой⁵, Е. Д. Поварничиной⁶, П. В. Ярошенко⁷ и др.)

Поскольку читатели формируют свое понимание мировой литературы на основе именно переводных текстов, изучение корпусов множественных переводов художественных текстов имеет большое значение для традуктологии. Исследования в данной области позволяют внести вклад в дальнейшую разработку переводческих универсалий и технических приемов перевода, представленных в работах, например, M. Baker⁸, A. Verman⁹, J.-P. Vinay, J. Darbelnet¹⁰ и других исследователей, проследить приоритетное использование тех или иных переводческих универсалий в переводах одного текста, появившихся в одной культуре на протяжении достаточно длительного периода времени, и т. д.

Новые переводы появляются по разным причинам: меняются эпоха, литературное окружение, адресат перевода, происходят изменения в развитии «принимающего» языка, с течением времени могут в значительной степени трансформироваться принципы перевода иноязычного текста в отдельных культурах и т. д. Ни один перевод не может считаться окончательным. Работа переводчика над художественным текстом всегда имеет характер личной интерпретации оригинала. Как следствие, разные переводы одного художественного текста могут появляться практически одновременно, поскольку каждый из них носит отпечаток уникального идиостилия переводчика.

Существует мнение, что поэзия непереводаема. Так, Р. О. Якобсон в статье «О лингвистических аспектах перевода» пишет: «В поэтическом искусстве царит каламбур, или, выражаясь более ученым языком и, возможно, более точным, паронимазия, и независимо от того, беспредельна эта власть или ограничена, поэзия по определению является непереводаемой»¹¹. Не все исследователи так же категоричны: Е. Г. Эткинд в книге «Поэзия и перевод» утверждает, что поэтический перевод возможен: «Да, искусство пересоздания стихов существует»¹². Ю. Д. Левин подчеркивает, что именно в переводах стихотворных произведений чаще всего проявляется множественность: «Вызываемые поисками адекватности отклонения, неизбежные во всех видах художественного перевода, в стихотворном переводе умножаются во много раз, и соответственно значительно ярче и отчетливее проявляется индивидуальность переводчика. Поэтому один стихотворный перевод нимало не препятствует появлению следующих, воплощающих новый опыт пересоздания оригинала»¹³.

Французский теоретик перевода А. Берман подчеркивает, что лучшие переводы никогда не были первыми. Лучший перевод вторичен дважды – по отношению к оригиналу и по отношению к появившимся ранее переводам: «La grande traduction est *doublement seconde* : par rapport à l'original, par rapport à la première traduction»¹⁴ (курсив автора). Того же мнения придерживается Р. Р. Чайковский в отношении поэтических переводов: «...при заметном увеличении количества переводов перевод с более высоким уровнем адекватности возможен лишь на основе творческого комбинирования уже использованных переводческих решений»¹⁵.

Материалом для нашего исследования послужили французские переводы романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». По различным библиографическим данным, на сегодняшний день существует 17 полных переводов: Н. Dupont (1847), I. Tourguénéfet, L. Viardot (1863), P. Béésau (1868), W. Mikhailow (1884), G. Pérot (1902), A. de Villamarie (1904), S. Baguette (1946), M. Bayat (1956), N. de Witt (1968–1969), M. Seménoff, J. Bour (1979), M. Colin (1980), N. Minor (1990), R. Legras (1994), J.-L. Backès (1996), A. Markowicz (2005), C. Weinstein (2010), F. Voutev (2012). В наш корпус текстов вошли 16 из них, а также несколько переводов фрагментов романа.

Среди проблем, связанных с переводом «Евгения Онегина» (текст стилистически разнороден, содержит многочисленные отсылки к русским реалиям пушкинской эпохи и т. п.), передача формального аспекта, ставшего своего рода «визитной карточкой» романа в стихах, играет важную роль. При переводе на французский язык передача поэтической формы осложняется различиями между русской и французской системами стихосложения. Регулярное чередование ударных и безударных слогов является основой русской силлабо-тоники, в то время как во французской силлабике мерой стиха считается равное во всех единицах число слогов с обязательным ударением на последнем слоге. Для классического французского стихосложения характерны строгие правила подсчета слогов и ограничения на употребление целого ряда форм. Только в XX в. допускается нарушение некоторых классических правил. Ввиду значительных различий между французской и русской системами стихосложения каждому французскому переводчику «Евгения Онегина» приходится либо отказываться от поэтической формы, либо выбирать стихотворную форму, наиболее адекватно, с его точки зрения, передающую особенности оригинала.

«Евгений Онегин» написан онегинской строфой, однако несколько фрагментов выделяются в формальном отношении, и письма Татьяны и Онегина¹⁶ в их числе. Подобный прием встречается и в других произведениях Пушкина:

например, в «Борисе Годунове», написанном белым пятистопным ямбом, есть несколько прозаических сцен. Происходит своего рода переключение «поэтического» кода, подобно случаям, когда в тексте делаются вставки на другом языке или диалекте. Эти вставки представляют стандартную проблему перевода, которая обсуждается во многих работах, например у А. Бермана, У. Эко и др. Антуан Берман использует в этом случае термин «*superposition de langues*» и говорит о том, что это одна из «острейших» проблем при переводе прозаического текста. В нашем же случае речь идет не о смене языка, а об изменении строфики и рифменной системы: в письмах Татьяны и Онегина, в отличие от онегинской строфы основного текста романа, сохраняется четырехстопный ямб, но используется свободная система рифмовки, и текст делится на неравновеликие стихотворные абзацы. Цель нашей работы – выявить, какими способами переводчики передают или не передают изменение строфики и рифменной системы в письмах.

Во французских переводах «Евгения Онегина» предлагается несколько вариантов решения проблемы формы в целом: от прозаических переводов до точной передачи рифмы и даже попыток имитации русского размера средствами французского стиха. В этом вопросе переводчик находится под влиянием литературных тенденций на момент выполнения перевода. Так, практически все ранние переводы выполнены в прозе, тогда как последние точно передают форму оригинала. Кроме того, в некоторых разрозненных во времени переводах используется спорадическая рифма или свободная рифмовка.

Особенности формального выделения пушкинских писем напрямую зависят от того, каким образом в переводе передается поэтическая форма обрамляющего текста. В связи с этим мы выделяем три типа переводов: прозаические переводы; стихотворные переводы, не передающие рифменную схему оригинала; стихотворные переводы, достаточно точно воспроизводящие онегинскую строфу.

1. Обратимся к прозаическим переводам. Поэтические тексты переводились в прозе в разных культурных традициях и в разные эпохи. Так, поэма Себастьяна Бранта «Корабль дураков» в XV в. получила два французских перевода: стихотворный (Pierre Rivière, 1497) и прозаический (Jehan Drouhyn, 1498), «*pource que la prose est plus familière que la ryme à gens simples*»¹⁷; в начале XVIII в. Анна Дасье в предисловии к переводу «Илиады» Гомера высказала мнение о том, что только проза способна достоверно отразить оригинал¹⁸. Подобная точка зрения была не редкостью во Франции и позднее: «В XIX веке в отношении поэтического перевода встает один основной вопрос: следует ли переводить поэзию прозой или стихами? Если перевод в прозе точен, но однообразен, то перевод в стихах, по опреде-

лению, может лишь исказить оригинал» («*Au XIX siècle, le discours sur la traduction poétique est dominé par une question: pour traduire des poèmes, faut-il choisir la prose ou les vers? Si la traduction en prose est exacte, mais terne, alors la traduction en vers ne peut, par définition, que trahir l'original*»)¹⁹. Подобное негативное восприятие стихотворного перевода возникло в связи с рядом факторов, в числе которых стоит упомянуть особенности французской метрики: в XIX в. она по-прежнему подчинялась строгим правилам и запретам, появившимся еще в XVI столетии; переводчики, решавшие писать в стихах, вынуждены были преодолевать многочисленные препятствия, связанные с формальными ограничениями²⁰. В данной связи необходимо подчеркнуть, что четыре из шести полных французских переводов «Евгения Онегина», изданных в XIX и начале XX в., были сделаны в прозе. Интересно, что появившаяся в середине XX в. прозаическая версия «Евгения Онегина» (М. Bayat, 1956) претерпела несколько переизданий. Позднее подавляющее большинство переводчиков отдали предпочтение стихотворной форме.

Рассмотрим, какими средствами письма Татьяны и Онегина выделяются в рассматриваемых переводах.

В прозаических переводах (А. Дюпон (1847), И. Тургенев, Л. Виардо (1863), П. Безо (1868), А. де Вилламари (1904), М. Байя (1956)) письма также переведены прозой.

Деление на абзацы в большинстве этих переводов чаще всего совпадает с делением на строфы основного текста романа, в переводах Тургенева и Виардо, Вилламари, Байя сохраняется нумерация строф, как в оригинале; Поль Безо обозначает границы строф оригинала увеличенными интервалами между абзацами перевода и опускает нумерацию. В этих случаях «иная» строфика интересующего нас фрагмента находит отражение в вариативности длины абзацев перевода.

Некоторые переводчики используют также дополнительные средства, например, у Байя это курсив, у Безо каждая строка письма закавычена.

В самом раннем прозаическом переводе Дюпона, изданном в 1847 г., деление на абзацы не всегда совпадает со строфами русского текста, каждый абзац заключен в кавычки, опущена нумерация строф; границы абзацев перевода не полностью отражают границы строф русского текста, и изменение строфики интересующего нас фрагмента в переводе размывается; заголовок письма отсутствует, его текст сливается с обрамляющим контекстом:

<...> Mais voici une traduction incomplète et faible, une pâle copie d'un tableau animé où Freyschutz est joué par de timides écolières.

«Je vous écrit – que voulez-vous encore? Que puis-je dire de plus? Maintenant, je le sais, je ne mérite que du mépris.<...>»²¹

В 1956 г. выходит полный перевод Мишеля Байя, выполненный в прозе и длительное время остававшийся наиболее доступной версией романа. Переводчик достаточно точно следует интонации повествования, сохраняя лексические особенности оригинала. Это уже не «роман в стихах», но от французского перевода не ожидают большего: «Французский перевод более не является тем “романом в стихах”, который написал Пушкин, хотя роман не утратил от этого своей поэтичности, и это все, что ожидают, я думаю, от французской версии». Цитата из предисловия С. Фюме к прозаическому переводу «Евгения Онегина» М. Байя. («La traduction française n'est plus ce “roman en vers” qu'a écrit Pouchkine, encore que le roman n'en soit pas moins poésie, et c'est tout ce qu'on attend, je pense, d'une version française»)²².

Поскольку у Байя строфика оригинала передается делением текста на равные абзацы с сохранением нумерации, а письма Татьяны и Онегина даны курсивом, интересующие нас фрагменты оказываются графически выделенными в переводе:

Voici sa lettre mot pour mot.

Lettre d'Oniéguine à Tatiana

*Je m'attends à tout. Le triste aveu de mon secret vous offensera. Je lis le plus amer mepris dans votre fier regard. Je veux vous écrire, vous ouvrir mon âme, pourquoi ? Dans quelle intention ? <...>*²³

2. Далее мы рассмотрим стихотворные переводы. При переходе в силлабику размер оригинала (четырёхстопный ямб) наиболее близок к восьмисложнику. Чаще всего переводчики «Евгения Онегина» выбирают именно этот вариант. Исключением является только ранний перевод Михайлова, где почти всегда отдается предпочтение александрийскому стиху.

Следует отметить, что в течение XIX в. не появилось ни одного перевода «Евгения Онегина», принятого французским читателем²⁴. В начале XX в. публикуется первый полный стихотворный перевод Г. Перо (1902), точно передающий онегинскую строфу. На долгое время он остается единственным²⁵. После перевода Перо наступает длительный период затишья, когда появляется лишь несколько переводов фрагментов романа.

В 1970-е гг. Ефим Эткинд продолжает начатую Менье работу по подготовке и изданию собрания сочинений А. С. Пушкина на французском языке. Выступая против французской школы, переводящей русскую силлабо-тонику прозой, белым стихом и верлибром, он придает большое значение передаче формального аспекта в поэтическом переводе и, руководствуясь этими принципами, включает в новое издание перевод Г. Перо, наиболее точный в отношении формы на тот момент.

После этого переиздания в течение тридцати лет появляется восемь полных французских переводов «Евгения Онегина», среди них нет прозаических. Все переводчики отдают предпочтение стихам, но точность передачи поэтической формы оригинала неодинакова: от восьмисложника без рифмы (М. Семенов и Ж. Бур, Ж.-Л. Бакес) до полной передачи структуры оригинала с имитацией русской силлабо-тоники (А. Маркович, Ф. Вутев).

2.1. Сначала мы коснемся стихотворных переводов, в которых не сохраняется рифменная схема оригинала. Это упомянутый выше перевод В. Михайлова (1884) со свободной рифмовкой, а также неполный перевод А. Лиронделя (1926) и два перевода второй половины XX в., – М. Семенов и Ж. Бур (1979), Ж.-Л. Бакес (1996), выполненные восьмисложником со спорадической рифмой.

В. Михайлов выбирает александрийский стих со свободной рифмовкой, что, впрочем, оказывается типичной ситуацией для стихотворных переводов XIX в., когда переводчики нередко выбирают стихотворную строку длиннее, чем в оригинале. Однако употребление александрийского стиха нерегулярно, и в некоторых фрагментах Михайлов использует также восьмисложные и десятисложные стихи. Это можно проиллюстрировать на примере его перевода X строфы третьей главы:

X.
Se croyant être l'héroïne
De tous ses romans préférés,
Clarisse, Julie ou Delphine,
Elle erre à l'ombre des forêts,
Lisant et relisant son livre,
Qui la domine et qui l'enivre;
A cette source redoublant
Les ardeur de sa propre flamme,
Et de ce doux poison rassasiant son âme,
Elle écrit en pensée à son amant absent,
Lequel était, hélas! fort loin de ce roman,
Onéghin' n'ayant pas, ayez-en l'assurance,
Avec ce Grandisson la moindre ressemblance²⁶.

Как видим, переводчик не только меняет размер, но и оставляет в строфе всего 13 стихов. В среднем строфы в этом переводе насчитывают от 14 до 16 стихов, но в некоторых случаях число стихов доходит до 20.

Письмо Татьяны также передано верлибром, чередуются стихи с 8, 10 и 12 слогами. Михайлов не делит текст письма на стихотворные абзацы, хотя в оригинале деление есть. Это можно рассматривать как компенсаторную меру, поскольку в переводе Михайлова постоянно варьируется длина строфы обрамляющего контекста, в отличие от неизменных 14 стихов онегинской строфы. Если бы Михайлов сохранил в письме неровное деление на абзацы, изменение строфики не было бы очевидным.

LETTRE DE TATIANE À ONÉGHINE

«Je vous écris, que puis-je encor faire de plus?
Ne sais-je pas que cette lettre,
Que cet écrit une fois lu,
Vous allez m'accuser, me mépriser peur-être ...
<...> Nul autre n'aurait eu mon âme,
Dieu l'a voulu, c'està vous que j'étais
Prédestinée; oui, cette flamme
N'est que pour vous ... pour toi, mon bien-aimé!
<...>»²⁷

Письмо Онегина, напротив, полностью переведено у Михайлова alexandрийским стихом, без деления на строфы. Как следствие, отсутствует изоморфная передача формального параллелизма писем в оригинале.

LETTRE D'ONÉGHINE À TATIANE

«Madame, je prévois, vous serez offensée
Par l'affligeant aveu que je dois formuler;
Combien votre fierté en sera courroucée,
De quel œil de mépris vous allez m'écraser!
Oui, que puis-je espérer? Quelle idée insensé
Me pousse à vous ouvrir mon âme désolé? <...>»²⁸

Михайлов под влиянием переводческих традиций и личных предпочтений нарушает изоморфизм с оригиналом на различных уровнях. Его работа может рассматриваться как пример «этноцентрического» перевода (*traduction ethnocentrique* по Берману): «Однако нарушения изоморфизма на всех уровнях могут носить и избыточный, не вызванный языковой необходимостью характер. Например, различия в пунктуации параллельных текстов могут быть неоправданно значительными, как и стирание различий в употреблении синонимов и др. Это свойственно более свободным переводам, где число переводческих трансформаций выше необходимого минимума. Такие переводы часто рассматриваются как проявление этноцентризма»²⁹.

В остальных переводах предпочтение отдано восьмисложнику со спорадической рифмой, деление на строфы совпадает с оригиналом. Таким образом, различие рифменной схемы письма и основного текста романа стирается, передается только изменение строфики. Например, относительно новый перевод Ж.-Л. Бакеса:

<...> C'est la copie
Pâle d'un tableau éclatant.
Le *Freischütz* joué par des élèves.

LETTRE DE TATIANA À ONÉGUINE

*Je vous écris ; voilà. C'est tout.
Et je n'ai plus rien à vous dire.
Maintenant, je sais, vous pouvez
Me mépriser pour me punir.*

*Mais vous aurez pour mon malheur
Juste un petit peu de pitié*³⁰.

2.2. Теперь обратимся к стихотворным переводам, в которых онегинская строфа воспроизводится достаточно точно. В пяти из них используется восьмисложник и сохраняется схема рифмовки оригинала: Г. Перо (1902), М. Колен (1980), Н. Минор (1990), Р. Легра (1994), Ш. Вайнштейн (2010). Переводчики Н. де Витт (1968–1969), А. Маркович (2005) и Ф. Вутев (2012) не только сохраняют схему рифмовки оригинала, но и пытаются имитировать ритм русского двусложного размера средствами силлабического стиха. Во всех перечисленных переводах особый статус писем передается наиболее полно: в письмах используется схема рифмовки оригинала, отличная от рифмовки онегинской строфы основного текста, а также сохраняется строфика пушкинского текста. В отношении формы перевод Г. Перо предвосхищает тенденции второй половины XX в.:

LETTRE D'ONÉGUINE À TATIANA

«Je sais bien que je vous offense
En venant vous ouvrir mon cœur;
Votre mépris, j'en lis d'avance
Dans vos yeux toute la rigueur.
Quel est donc le but de ma lettre?
En vous confiant mes ennuis
Je sais que vous allez, peut-être,
Vous moquer de moi, mais tant pis! <...>»³¹

Приведем также пример из самого позднего перевода (Ф. Вутев), опубликованного в 2012 г.:

<...> Maisvoici
Ma faible traduction ici,
Qui est en tous points semblable
Au beau *Freischütz* pianoté
Par des pupilles admonestées.

LA LETTRE DE TATIANA À ONÉGUINE

Je vous écris – sinon que faire ?
Quoi d'autre dire? A présent,
Je sais que vous pouvez, sévère,
Me punir, en me méprisant.
Mais si ma destinée amère
Vous touche un tant soit peu le cœur,
Vous me suivrez dans ma douleur»³².

Переводы, вошедшие в наш корпус, демонстрируют усиливающуюся тенденцию к более изоморфной передаче выделенных фрагментов (как, впрочем, и всей формальной организации текста) во второй половине XX и начале XXI в. Вместе с тем полное «слияние» выделенного фрагмента с контекстом не происходит ни в одном из 17 переводов.

Выше на примере передачи в переводах выделенных фрагментов оригинала было показано, что отказ от формальной точности неизбежно влечет потери на различных уровнях. Что касается передачи лексики – аспекта, который мы здесь подробно не рассматривали, то многие французские исследователи считают, что стихотворные рифмованные переводы всегда оказываются дальше от оригинала: «Там, где преобладает ограничение рифмы, лексическая точность, как правило, ослабляется или искажается» («Là où domine la contrainte de la rime, la justesse lexicale est, c'est de règle, affaiblie et altérée»)³³. Однако это не всегда так: переводы без рифмы, как и ранние прозаические переводы, также не лишены лексических потерь. Так, нами было показано³⁴, что во всех переводах «Евгения Онегина», независимо от рифмы, происходит замена стилистически маркированных слов более нейтральными эквивалентами, что можно считать проявлением универсальных тенденций, свойственных для переводов вообще, – в частности, универсалии симплификации и универсалии нормализации³⁵. Сюда же можно отнести и частичное стирание границ выделенных фрагментов.

Таким образом, переводческие универсалии, фиксирующие «сглаживание» стилистических особенностей оригинала, верны во многих случаях, однако всегда будут переводы, стремящиеся как можно ближе подойти к оригиналу, включая воспроизведение его формальных характеристик.

Примечания

- 1 Левин Ю. Проблема переводной множественности // Литература и перевод : проблемы теории : Междунар. встреча ученых и писателей (Москва, 27 февраля – 1 марта 1991 г.) / сост. П. М. Топер, В. Х. Ганиев. М. : Прогресс, 1992. С. 213.
- 2 Попович А. Проблемы художественного перевода. Благовещенск : Изд-во БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 189.
- 3 См.: *Oséki-Dépré I.* Théories et pratiques de la traduction littéraire. Paris : Armand Colin, 1999.
- 4 См.: *Berman A.* La traduction et la lettre ou l'Auberge du lointain. Paris : Edition du Seuil, 1999.
- 5 См.: *Разлогова Е.* Стандартные и нестандартные варианты перевода // Вопросы языкознания. 2017. № 4. С. 52–73.
- 6 См.: *Поварницына Е.* О лексической вариативности в переводах с мёртвого языка (флора и фауна в «Слове о полку Игореве» и его переводах на французский язык) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 15–20. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-15-20>
- 7 См.: *Ярошенко П.* Синестезия в художественном тексте и модели её перевода (на примере стихотворения А. Рембо) // Вестник Московского университета. Серия 9 : Филология. 2020. № 3. С. 135–143.
- 8 См.: *Baker M.* Corpus Linguistics and Translation Studies : Implications and Applications // Text and Technology : In Honour of John Sinclair / eds. M. Baker, G. Francis, E. Tognini-Bonelli. Amsterdam : J. Benjamins, 1993. P. 233–253.
- 9 См.: *Berman A.* Op. cit.
- 10 См.: *Vinay J.-P., Darbelnet J.* Stylistique comparée du français et de l'anglais. Paris : Didier, 1977.
- 11 *Якобсон Р.* О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике : сб. ст. / вступ. ст. и общ. ред. В. Н. Комиссарова. М. : Международные отношения, 1978. С. 24.
- 12 *Эткинд Е.* Поэзия и перевод. М. ; Л. : Советский писатель, 1963. С. 7.
- 13 *Левин Ю.* К вопросу о переводной множественности // Классическое наследие и современность : сб. ст. / редкол. : Д. С. Лихачев (отв. ред.) [и др.]. Л. : Наука, 1981. С. 366.
- 14 *Berman A.* Op. cit. P. 105. Тем не менее, существуют примеры, когда первый перевод классического текста вполне удовлетворил читателей. Так, первый перевод «Капитанской дочки» Л. Виардо многократно переиздавался впоследствии.
- 15 *Чайковский Р.* Основы художественного перевода (вводная часть) : учеб. пособие. Магадан : Изд-во СВГУ, 2008. С. 152.
- 16 См.: *Пушкин А.* Полн. собр. соч. : в 10 т. 4-е изд. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 5 : Евгений Онегин. Драматические произведения. С. 60–61, 155–156.
- 17 «Поскольку проза ближе простым людям, чем рифма» (здесь и далее перевод наш. – А. Б.) (*Ballard M.* Histoire de la traduction. Bruxelles : De Boeck Supérieur, 2013. P. 88).
- 18 Ibid. P. 121.
- 19 Histoire des traductions en langue française : XIX siècle 1815–1914 / sous la direction de Chevrel Y., D'Hulst L., Lombez C. Lagrasse : Verdier, 2012. P. 428.
- 20 Ibid. P. 429.
- 21 *Pouchkine A.* Eugène Oniéguine // Œuvres choisies de A.-S. Pouchkine, poète national de la Russie, traduites pour la première fois en français par H. Dupont : 2 vols. T. 1. Saint-Pétersbourg ; Paris : Comptoir des Imprimeurs unis, 1847. P. 187.
- 22 Histoire des traductions en langue française : XIX siècle 1815–1914. P. 372.
- 23 *Pouchkine A.* Eugène Oniéguine : roman / trad. du russe par M. Bayat. Paris : R. Laffont, 1956. P. 186.
- 24 См.: Histoire des traductions en langue française : XIX siècle 1815–1914. P. 368.
- 25 Следующий стихотворный перевод Н. де Витта появился лишь в 1968 г., однако он остался неизвестен широкой французской публике и специалистам в области перевода.
- 26 *Pouchkine A.* Eugène Oniéguine : roman en vers / trad. du russe par W. Mikhailow. Paris : A. Ghio, 1884. P. 87.
- 27 Ibid. P. 102–103.
- 28 Ibid. P. 266.
- 29 *Разлогова Е.* О нарративном изоморфизме в переводе //

- Лингвистика, переводоведение и методика обучения иностранным языкам : актуальные проблемы и перспективы : сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Орел, 28 марта 2019 г.). Орел : ОГУ имени И. С. Тургенева, 2019. С. 796.
- ³⁰ Pouchkine A. Eugène Onéguine / texte présenté, trad. et annoté par J.-L. Backès. Gallimard, 1995. P. 114–115.
- ³¹ Pouchkine A. Eugène Oniéguine : roman en vers / trad. par G. Pérot. Paris ; Lille : Tallandier, 1902. P. 190.
- ³² Pouchkine A. Eugène Onéguine : roman en vers / nouvelle traduction de Florian Voutev. Paris : Éditions La Bruyère, 2012. P. 76–77.
- ³³ Histoire des traductions en langue française : XIX siècle 1815–1914. P. 379.
- ³⁴ См.: Богинская А. «Качественное обеднение»/«обогащение» в художественном переводе (на примере французских переводов романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин») // Вестник Московского университета. Серия 9 : Филология. 2017. № 5. С. 154–164.
- ³⁵ См.: Baker M. Op. cit. P. 243.

Поступила в редакцию 15.07.2020, после рецензирования 02.10.2020, принята к публикации 20.10.2020
Received 15.07.2020, revised 02.10.2020, accepted 20.10.2020